

A.V. Petrovskiy

ON DEBATABLE PROVISIONS OF THE GENERAL PART OF CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anton Petrovskiy – Senior Lecturer, the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, PhD in Law, Associate Professor, Krasnodar; **e-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru.**

Preventive strategy method in countering crime is a promising trend being applied in North American countries as well as in Great Britain. The aim and the essence of this preventive activity is to eliminate criminal risks threatening the society. In order to minimize criminal risks a set of relevant counter measures is widely implemented therefore including the ones of criminal legal, preventive, administrative an micro-group nature. However the key steps normally taken by law enforcement bodies are preventive coercive measures along with criminal penalty that are collectively implemented and mutually complementing one another. With all this going on Russian criminology practices as well as preventive legislation have remained at a nascent stage and at diagnostics. The creation of Russian criminology practices deals also with foreign borrowing of methods alike in the USA and in Europe. Therefore the research presented in the article aims to examine norms of the general part of Criminal Code to check for their applicability in the context of preventive strategy.

Keywords: Criminal Code; penalty; prevention of crimes; legal norm; criminology practices; coercive measures of crimes prevention.

А.В. Петровский

ДИСКУССИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩЕЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА С УЧЕТОМ КОНЦЕПЦИИ «ПРЕВЕНТИВНОЙ СТРАТЕГИИ»

Антон Владимирович Петровский – доцент кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, г. Краснодар; **e-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru.**

«Превентивная стратегия» является перспективным направлением противодействия преступности в североамериканских странах и Великобритании. Сущность этой профилактической деятельности заключается в устранении грозящих обществу криминальных рисков. Для минимизации криминальных рисков используется совокупность уголовно-правовых, превентивных, управленческих и микрогрупповых мер. Однако основными являются принудительные меры профилактического характера и уголовное наказание, которые используются правоохранителями в совокупности, дополняя одни формы воздействия другими. Российские криминологические практики, а также профилактическое законодательство находятся в стадии становления и диагностики. Генезис российских криминологических практик происходит и посредством заимствования аналогичных из США и Европы. Поэтому целью представленного в статье исследования является рассмотрение норм Общей части Уголовного кодекса с целью тестирования их готовности к применению в условиях «превентивной стратегии».

Ключевые слова: Уголовный кодекс; наказание; превенция преступлений; норма закона; криминологические практики; принудительные меры профилактики преступлений.

Концепция «превентивной стратегии» в США и Великобритании является доминирующей в деятельности системы уголовного судопроизводства и правоохранительных органов по противодействию преступности. Исследователь англо-американской модели предупреждения преступности А.Л. Гуринская характеризует данную криминологическую доктрину как переход правоохранительных систем этих стран от репрессии к предупреждению будущих криминальных рисков, активному применению принудительных профилактических мер, концентрации предупредительного воздействия на устранение или нейтрализацию криминогенных ситуаций, привлечению к противодействию преступности всех субъектов (государство, муниципальные органы, граждане) [4, с. 60–61]. Необходимо отметить, что в своей работе А.Л. Гуринская неоднократно констатирует факт того, что данная концепция не привела к либерализации уголовной политики и правоохранительной деятельности, а наоборот, породила сверхкриминализацию, пенализацию, тотальный полицейский и социальный контроль, массовое тюремное заключение, социальную сегрегацию. При отсутствии поддержки гуманитарных исследований в России со стороны правящего класса власть практикует заимствования зарубежного законодательного опыта и криминологических практик государств Европы и США. Поэтому целью настоящей статьи будет рассмотрение проблемных вопросов имплементации превентивных практик в отечественное законодательство, в частности, изменение норм уголовного законодательства в случае приспособления нормативных положений УК РФ к концепции превентивной стратегии.

Концептуальная идея превентивной стратегии – это профилактика, в первую очередь, во вторую, для неисправимых – длительные сроки лишения свободы. Данная стратегия противодействия преступности, которая предусматривает определенные этапы, и в первую очередь, предполагает применение мер превентивного воздействия в отношении наиболее

активных, опасных, профессиональных преступников. Следующие по очередности – активация правоохранительной и профилактической деятельности всех ее участников [17], использование авторитетности (популярности) отдельных личностей, а также сети «Интернет» для защиты населения от преступных посягательств, особенно тех лиц, которые обладают высокой вероятностью стать жертвой повторно, полицейское и административно-техническое воздействие на «горячие точки» [15, с. 10–12]. Сталкиваясь с разнообразными криминальными проблемами, зарубежное научное сообщество декларирует, что принудительные меры предупреждения преступлений лучше, чем уголовное наказание, так как они способны остановить преступное деяние до того, как оно причинит вред жертвам [9, с. 41–46].

Превентивная стратегия является методологией – направлением деятельности, ориентированном как на устранение криминальных рисков в отношении индивидуумов, так и общества посредством комплексного использования уголовного наказания, правоохранительной деятельности и криминорезистентных возможностей общества. Этот криминологический подход сформировал в США, Великобритании, Канаде, ЕС, некоторых странах Латинской Америки методики, которые представляют собой систему последовательных криминологических практик, направленных на достижение профилактического результата. Все эти методики сгенерировали идею о том, что обладающие необходимыми полномочиями специалисты (учреждения), имеющие профилактическую ментальность, владеющие необходимым инструментарием воздействия, всей полнотой знаний о преступности на определенной территории, ее причинах и условиях посредством нейтрализации и устранения криминогенных детерминантов, достигнут высокой результативности в противодействии преступному поведению.

Превентивная стратегия основана на криминологических исследованиях, кото-

рые утверждают, что основными факторами преступности являются наличие ситуационных возможностей, криминоалентные и асоциальные особенности личности, эффективность системы уголовного судопроизводства, прибыль (или выгода) получаемая правонарушителем от своей противоправной деятельности, легкость доступности или распространенности наркотиков, алкоголя и оружия [13; 17, с. 5–7].

Объем настоящей статьи не позволяет нам рассмотреть все существующие принудительные превентивные практики, направленные на устранение криминоалентных детерминантов, однако изложение основных методик позволит представить их масштаб и значительность.

Для устранения ситуационных возможностей наиболее распространены следующие криминологические практики: 1) антикриминальная защищенность объектов посягательства, которая предусматривает оснащение системами CCTV, установку газо- и металлодетекторов, создание такой градостроительной среды, которая исключает или уменьшает возможности совершения преступлений; 2) контроль доступа в помещения (объекты жилой инфраструктуры) для исключения проникновения туда потенциальных нарушителей; 3) изолирование лидеров преступных групп или групп асоциальной направленности, активных деликвентов от окружающей среды посредством превентивного ареста, помещения в воспитательно-трудовой лагерь, уголовного наказания; 4) полный запрет обращения огнестрельного или холодного оружия и жесткий контроль хранения и пользования охотничьим, специальным, спортивным оружием (в США есть противоположная точка зрения, полагающая, что широкое использование огнестрельного оружия населением в быту в целях самообороны уменьшает количество корыстно-насильственных преступлений); 5) контроль миграционных процессов с целью исключения проникновения на территорию страны лиц, склонных к совершению правонарушений; 6) официальный надзор и наблюдение сотрудниками полиции и

специальных служб за социальной и частной жизнью нарушителя; 7) надзор работодателя за работниками, которые склонны к антиобщественному поведению; 8) негласное наблюдение за правонарушителями со стороны добровольцев из числа населения, работников торговых объектов, образовательных учреждений, финансовых организаций; 9) обязательная идентификация и маркировка собственности – произведений искусства, ювелирных изделий, иного имущества, которое чаще всего становятся предметом посягательства; 10) установка производителем на автомобили, фототехнику, телефоны и т.д. специальной кодировки и системы GPS-трекера, которые затрудняют использование похищенной вещи в дальнейшем, требует от преступника дополнительных усилий по легализации; 11) установка правил определенного поведения, обязательных для учащихся, работников, проживающих лиц в одном доме или жилом квартале; 12) контроль оборота алкоголя, наркотиков; 13) упрощение и облегчение соблюдения правовых норм [14, с. 17–25].

Профилактическое воздействие на криминоалентные и асоциальные особенности личности достаточно разнообразно и обусловлено правовыми и этнокультурными особенностями государства [19]. Лица, склонные к агрессивному поведению, обязаны проходить принудительное лечение у психолога, а также за ними осуществляется полицейский надзор [3, с. 86–93]. Судебным приказом они обязываются пройти принудительное лечение от алкоголизма или наркомании. Лица, ранее судимые, в случае их обнаружения в районах (местностях), в которых им наиболее удобно совершить преступление, могут быть превентивно задержаны и арестованы на срок до 10 суток. Кроме того, предусматривается наличие судебных или полицейских запретов на полеты в самолетах гражданской авиации, посещения футбольных матчей, отдельных районов города (для алкоголиков – мест, где дислоцируются бары, рестораны; для лиц, подозреваемых в торговле наркотиками, – это кварталы, где продаются наркотики), на распространение экстремист-

кой или ограниченной судом информацией. В отношении асоциальных личностей применяются судебные приказы и охранные ордера, выдаваемые судами в целях профилактики внутрисемейного насилия, агрессивного поведения в отношении коллег по работе, соседей, сексуальных домогательств [11, с. 78–82].

Предупредительная эффективность системы уголовного судопроизводства определяется избирательным подходом, который основывается на идее Рафаэля Горафоло: «Необходимо разделить преступников на две большие категории: тех, которые никогда не должны входить в тюрьму, и тех, которые никогда не должны бы были из нее выходить» [6, с. 80]. Для первой категории государства ЕС, США, Великобритания предусматривают наказания в виде общественных работ, штрафов, назначают probation, домашний арест, ограничительные запреты и применяют краткосрочное лишение свободы, не превышающее 3-х лет [5, с. 78–101]. Для преступников, которых относят ко второй группе, предусмотрены максимальные и неопределенные (до утраты общественной опасности), либо определенно максимального срока лишения свободы, пожизненное лишение свободы или, в США, смертная казнь [18].

Краткий анализ основных положений концепции превентивной стратегии показывает, что личности правонарушителя, преступника уделяется огромное значение. Все отклонения от социальных норм документируются и учитываются при назначении принудительных криминологических практик и наказания. Такой подход предполагает наличие досье, характеризующего личность, которое в дальнейшем используется при назначении наказаний, принятии решения об условно-досрочном освобождении от наказаний, назначения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Положения ст. 60 УК РФ указывает, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, а также личность виновного. Судебная практика показывает, что в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела

судом в РФ информацией, характеризующей личность виновного (не учитывая особенности совершения преступления и тяжесть содеянного), является наличие (отсутствие) судимости, ранее условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, характеристики с места жительства, учебы, работы. Возникает вопрос, готов ли суд назначать справедливое наказание с учетом информации о наличии ранее совершенных административных правонарушений, информации службы превенции о том, что виновный не исполнял или уклонялся от принудительных мер профилактического воздействия, данных полиции, что он является социально-опасной личностью? Нам представляется, что российские суды не готовы к такому, хотя бы потому, что уголовное наказание назначается с учетом положений Общей и Особенной части УК РФ, а не федерального, ведомственного и регионального законодательства о профилактике. Подтверждает невозможность учета социально-опасных особенностей личности и Постановление Пленума ВС РФ, которое указывает, что степень общественной опасности преступления зависит от характера и степени наступивших последствий, способа совершения, роли виновного лица, если деяние совершено в соучастии, от вида умысла [2]. Теория социально-опасной личности пугает объективным вменением, где наказание назначается не только за совершенное общественно опасное деяние и его квалифицирующие признаки, но и за деликтно-социальный статус личности. Следуя в рамках основных идей концепции превентивной стратегии, необходимо будет внести дополнения в Главу 10 УК РФ, признав обстоятельствами, отягчающими наказание, уклонение от исполнения превентивных ограничений и запретов, социальную опасность личности. Это приведет к изменению порядка назначения уголовного наказания лицам, относящимся к этой категории, а также назначения уголовного наказания за неоконченные преступления, совокупность преступлений, рецидив. Не применяя смертную казнь как вид наказания, государству придется значительно увеличить

количество преступлений, за совершение которых социально-опасные личности и лица, уклоняющиеся от превентивных мер, будут приговариваться к пожизненному лишению свободы.

Желание создать в России принудительные превентивные институты воздействия на потенциальных нарушителей в соответствии с Конвенцией Совета Европы и зарубежными превентивными практиками, такого как защитное предписание – аналогия судебного запрета, будет предполагать появления инструментов обеспечения такой деятельности [1]. Можно предвидеть, что уклонение от обязанности пройти лечение у психолога или нарколога, являться по вызову полиции и соблюдать ограничения, выполнять защитные предписания правоохранительных органов и решения судов приведет к криминализации таких действий (бездействия). В зарубежных странах за совершение вышеуказанных деяний предусмотрена уголовная ответственность, которая определяет поведение таких лиц как неисполнение решения суда. В России появление института превентивного предписания в будущем станет предусматривать обеспечение исполнения и реализации профилактических отношений нормами уголовного кодекса. Это приведет к появлению норм по примеру ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений», количество которых в УК РФ будет определяться количеством принудительных превентивных мер.

Уголовное законодательство является одним из важнейших институтов превенции в Российской Федерации. Однако в России организуется превентивное направление противодействия преступлениям, свидетельством которого является активное нормотворчество в данной сфере [7, с. 148–159; 8; 10, с. 479–488; 12, с. 13–14]. Изменения криминологической политики государства, которые привели к появлению в стране принудительных превентивных мер – беседы, предупреждения о недопустимости антиобщественного по-

ведения, представления, постановки на профилактический учет, профилактического надзора, помещения в закрытые и открытые учебные заведения, запрет и ограничения для должностных лиц, блокировки сайтов, содержащих общественно-опасную информацию и др. – порождают криминологические практики и профилактическую юстицию. Происходит формирование обязанностей, перечней ограничений, конкретизация запретов для профилактируемых лиц, которые отражаются в федеральном, ведомственном и региональном законодательстве. Не далеки те времена, когда законодатель для обеспечения выполнения и соблюдения всего перечня превентивных мер может потребовать применения уголовной ответственности для лиц, уклоняющихся от профилактики, после чего последует внесение изменений и дополнений в УК РФ. Поэтому научному сообществу необходимо заранее готовить теоретическое обоснования и рекомендации, которые позволят сократить болезненную адаптацию превентивной концепции к нормативным положениям российского уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашнем насилии. Стамбул, 11.V.2011. URL: <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/home> (дата обращения: 08.11.2019).
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. 18.12.2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. Февраль.
3. *Гуринская А.Л.* Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 86–93.
4. *Гуринская Л.А.* Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб., 2018. 400 с.
5. *Дикаева М.С.* Уголовное наказание

в России и зарубежных странах: криминологический анализ: монография. М., 2017. 216 с.

6. *Иниаков С.М.* Зарубежная криминология. М., 1997. 383 с.

7. *Клейменов М.П.* Криминологическое законодательство и криминологическое право в России. // LEX RUSSIA. Журнал Московского государственного юридического университета. 2018. № 2 (135). С. 148–159.

8. *Орлов В.Н.* Основы криминологического права. Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, Криминологическая библиотека, 2016. 668 с.

9. *Панова Е.А.* Оценка эффективности программ раннего предупреждения преступлений: на материалах США // Международное публичное и частное право. 2014. № 2. С. 41–46.

10. *Петровский А.В.* Дискурс о криминологическом законодательстве в России // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 479–488.

11. *Тунина Н.А.* Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4 (14). С. 78–82.

12. *Шестаков Д.А.* О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 13–14.

13. *Bennett T.* Situational Crime Preven-

tion from the Offender's Perspective, in Kevin Heal and Gloria Laycock (eds.), Situational Crime Prevention: From Theory into Practice, Her Majesty's Stationery Office. London, 1986. 166 p.

14. *Clarke R.V.* Situational Crime Prevention: successful case studies. 2nd ed. Albany, N.Y., 1997. 357 p.

15. CCTV and Crime Prevention. A new System Review and Meta-Analysis / Report by E.L. Piza, B.C. Welsh, D.P. Farrington, A.L. Thomas. Stockholm: Swedish National Council for Crime Prevention, 2018. P. 10–12.

16. *Geason S., Wilson P.R.* Crime Prevention: Theory and Practice. Canberra, 1988. 37 p.

17. *Steden v R., Mehlbaum S.M.* Police volunteers in the Netherlands: a study on Policy and Practice / Policing and Society. URL: https://research.vu.nl/ws/portalfiles/portal/64335458/Police_volunteers_in_the_Netherlands_a_study_on_policy_and_practice.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

18. Violent crime control and Law Enforcement Act of 1994 // Public Law 103 – 322; Approved September 13, 1994 [As Amended Through P.L. 115–141, Enacted March 23, 1994] // Сайт официальных документов США. URL: <https://legcounsel.house.gov/Comps/103-322.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

19. *Weisburd D. Farrington D.P., Gill C.* What works at Crime Prevention and Rehabilitation. N.Y.: Springer, 2016. 326 p.